

контрапункт

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

№ 4 / июнь 2016

Мария Липман

От редактора

Вмешательство государства в сферу культуры неизбежно ведет к цензурным ограничениям – уж по крайней мере в том, что касается заботы о детях. Государства отличаются друг от друга тем, в какой мере они склонны всех своих граждан, независимо от возраста и социального статуса, числить детьми, нуждающимися в постоянной и строгой опеке.

Старорежимная российская монархия осуществляла цензуру почти до самого конца царского правления. Но еще в XIX веке просвещенные российские граждане, обращаясь к европейскому опыту, говорили о том, что цензура губительна для национального развития. «Нельзя налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет без существенного вреда для всего общественного организма», – аккуратно формулировал Тютчев. За эти полезные – и сдержанные – размышления поэт был вознагражден важным постом в цензурном ведомстве, но сама цензура осталась на месте. «Я всегда желаю, – твердо заявил Александр II, – чтобы цензура сохранилась, и не разделяю мнение тех, которые хотят ее уничтожить».

Послабления в виде гражданских свобод, дарованных царским манифестом 1905 года, пришли слишком поздно. Революционный подъем начала XX века смыл сначала формальные ограничения, а вскоре и сам царский режим.

Новый мир, построенный на обломках старого, уже совсем скоро установил цензуру куда более жесткую и основательную, хотя и на совершенно противоположных идейных

началах. Урбанизация, индустриализация, ликвидация безграмотности, массовая периодическая печать, радио и важнейшее из всех искусств кино требовали огромного по масштабам цензурного ведомства. Цензоры сидели в каждой газете и в каждом издательстве; ни одно слово не выходило в эфир радио, а впоследствии и телевидения, не пройдя через коммунистический фильтр. Специальные комиссии и художественные советы следили, чтобы ни в спектакль, ни на полотно художника, ни, боже сохрани, на киноэкран не прокралось бы крамольное отклонение от генеральной линии.

Первоначальная коммунистическая цензура вдохновлялась революционным духом – антимонархическим, антибуржуазным, антиклерикальным. Большевицкому сознанию мир виделся как метафизическая борьба добра со злом; отречение от старого мира предполагало немедленное истребление зла, а для нужд нового, прекрасного мира требовалось воспитать нового человека, который строил бы этот мир и жил в нем. Важнейшей частью массового воспитания народа стала коммунистическая культурная политика.

Однако постепенно революционное горение стихало, культурная политика все больше сводилась к бюрократическим установлениям и процедурам; идеология, а с ней и превентивная цензура рутинизировались. Арлен Блум, российский исследователь истории цензуры, описывает процесс вытеснения «идеократии» «логократией»: формальное вычищение недолжных слов подменяет идейную чистоту. «Многие слова, – пишет Блум, – становятся табуированными, независимо от контекста». В «Театральном романе» Михаила Булгакова герою предлагают вычеркнуть в его рукописи три слова – «на странице первой, семьдесят первой и триста второй». Изъятия – “Апокалипсис”, “архангелы” и “дьявол” – кажутся автору наивными, но он благоразумно молчит.

Цензурные практики советского времени регулярно пересматривались в соответствии с идеологическими установками; они не всегда отличались последовательностью, а в позднесоветский период часто бывали противоречивы. Но культурная политика советской власти неукоснительно опиралась на единственно верное учение марксизма-ленинизма, а единый авторитет в лице Идеологического отдела ЦК был источником истины для всей культурной иерархии – министерства культуры, госиздатств, музеев, театров и пр.

Весь этот сложный, многоэтажный мир рухнул при первой же попытке коммунистических властей ослабить вожжи. Как и за 70 лет до того, стремление к свободному самовыражению смело оставшиеся ограничения, но, в отличие от событий начала XX века, новая Россия, возникшая в его конце, объявила гражданские свободы – в частности, отмену цензуры. Новая власть отказалась от претензий на статус источника истины – и ввела запрет на государственную идеологию.

В последние годы российское государство вновь стремится установить контроль над пространством идей, ценностей и символов. Первейшей заботой властей является обеспечить благонамеренность и лояльность граждан и оградить их от опасного вольнодумства. Объектом этой заботы становится не только политическая сфера, но и образование, наука и культура. В рамках новой культурной политики государство снова

активно вмешивается в культурную и художественную жизнь; цензурные ограничения, формально запрещенные, становятся повседневной практикой.

Отличием сегодняшнего дня от советского прошлого является неясность идеологических оснований и отсутствие единого идейного авторитета; осуждать неверные мысли и представления удастся куда лучше, чем сформулировать позитивное идейное содержание. На «идеократию» нынешний режим не тянет, но и «логократией» его тоже не назовешь. Кому-то из представителей власти кажутся крамольными произведения классической русской литературы (предложения исключить из школьной программы то Толстого с Достоевским, то Булгакова, то Белинского с Чернышевским периодически звучат из уст министра культуры, депутатов Государственной Думы и членов Общественной палаты); главное культурное ведомство резко выступает против политической нелояльности и излишне современных форм, будь то театральные и музыкальные постановки или изобразительное искусство. Но благодаря отсутствию единых установок, элементам рыночной экономики и опыту свободы предшествующего постсоветского периода в сегодняшней России все еще сохраняются культурное разнообразие и возможности самовыражения в культурной сфере. Наш нынешний номер посвящен культурной политике – и культурной жизни, существующей вопреки запретам и притеснениям.